

Анастасия Шерр
Лира Ветрова

A romantic couple, a man and a woman, are standing in a garden at sunset. The woman is wearing a pink sweater and the man is wearing a dark blue shirt. They are both holding small grey and white kittens. The man has another kitten on his shoulder. In the background, there is a wooden house with a porch and a garden with pink roses. Two more kittens are on the ground: one grey and white on the left, and one orange on the right.

Пять
котят
до любви

Анастасия Шерр

Пять котят до любви

«Автор»

2026

Шерр А.

Пять котят до любви / А. Шерр — «Автор», 2026

Мне достались в наследство старый дом, пять котят и сосед, который мечтает купить мой участок. Максим Орлов терпеть не может кошек. Кошки, кажется, считают иначе. Одна уже спит у него дома. Вторая ворует его вещи. Третья смотрит на него так, будто он принадлежит ей. А я всё чаще ловлю себя на мысли, что тоже не против оставить Максима себе.

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

Пять котят до любви

Глава 1

Когда нотариус сказал, что тётя Вера оставила мне дом, я сначала решила, что он перепутал Зверевых. В нашей семье недвижимость обычно не наследовали. Её делили, продавали, закладывали и годами вспоминали за праздничным столом таким тоном, будто речь шла о военном преступлении. Но бумага была настоящая, подпись тёти тоже, и через четыре дня я стояла у зелёной калитки с чемоданом, ноутбуком и твёрдым намерением закончить всё за неделю. Дом выглядел так, словно последнюю молодость пережил ещё при кнопочных телефонах. Крыльцо просело на один угол, водосточная труба смотрела в небо, а сирень разрослась настолько, что могла требовать отдельный почтовый индекс. Я любила тётю Веру, но её представления об уюте всегда включали три обязательных пункта: старую мебель, банки с вареньем неизвестного года и вещи, которые когда-нибудь пригодятся. Судя по сараю, это когда-нибудь должно было наступить после конца света.

Ключ заедал. Я толкнула дверь плечом, вошла в прохладную прихожую и сразу услышала тонкий писк. Потом второй. Потом что-то маленькое, рыжее и очень деловое вылетело из кухни, врезалось мне в кроссовок и попыталось вскарабкаться по джинсам. За ним показался серо-белый круглый котёнок. Чёрная мордочка выглянула из-за ножки стула и исчезла. Трёхцветная кошечка сидела на тётином пледе с таким выражением, будто дом завещали ей, а я явилась оспаривать наследство. Пятый, полосатый, висел на занавеске. Я молча поставила чемодан. Полосатый медленно сполз вниз вместе с половиной тюля. На столе лежал конверт с моим именем. Почерк тёти Веры невозможно было спутать ни с чьим. Она писала крупно, сердито и всегда так, будто ручка была ей должна денег.

«Сонька, дом можешь продать, если не полюбишь. Я не обижусь. Котят первому встречному не отдавай. Они все с характером, особенно рыжий. Рыжего я назвала Персиком, хотя он бандит. Серого зовут Пельмень, потому что ест за троих. Трёхцветная Пуговка. Чёрная Клякса. Полосатый Шнурок. Хороших людей узнаешь. Плохих тоже. Не торопись ни с теми, ни с другими. Вера».

Я перечитала записку дважды, потом посмотрела на пятерых наследников. Пельмень уже сидел у миски и возмущённо пищал, хотя корм в ней был. Персик кусал шнурок моего кроссовка. Пуговка умывалась. Клякса следила за мной из безопасной темноты под буфетом. Шнурок снова полез на занавеску. Семь дней внезапно стали выглядеть оптимистичным сроком. Я позвонила маме. Мама сказала, что тётя всегда была женщиной с сюрпризом, кошек в её квартиру везти нельзя, зато дом в этом районе сейчас стоит прилично. Потом добавила, что мне полезно отвлечься после расставания с Игорем. Я сообщила, что рассталась с Игорем полгода назад и уже давно отвлеклась. Мама произнесла своё многозначительное «конечно» и посоветовала не связываться с местными мужчинами. На этой семейной мудрости связь оборвалась.

К вечеру я успела вымыть кухню, найти ветеринарные паспорта котят, открыть все окна и понять, что в доме нет нормального горячего душа. Вода из крана выбирала температуру по настроению. В кладовке обнаружились три коробки ёлочных игрушек, велосипед без переднего колеса и новый кошачий наполнитель, купленный тётей заранее. Я старалась не думать о том, что она знала, что уезжает в больницу и, возможно, не вернётся. Грусть накатывала не красивой печалью, а мелкими бытовыми ударами. Её кружка на подоконнике. Очки на полке. Крем для рук у кресла. В холодильнике половина лимона, аккуратно завернутая в блюде. Дом не был

пустым. Он был полон человека, которого уже нельзя позвать из соседней комнаты. Я села на ступеньку крыльца и впервые за день позволила себе заплакать.

Ровно через минуту Персик решил, что траур затянулся. Он пронёсся по дорожке, нырнул под калитку и исчез. Я вскочила так быстро, что ударилась коленом о перила. За забором справа тянулся ухоженный участок с ровной травой, деревянной террасой и большим чёрным мангалом. Над углями поднимался дым. Мужчина в серой футболке держал щипцы и смотрел на решётку. Персик, видимо, решил, что запах мяса сильнее инстинкта самосохранения. Рыжая молния взлетела на низкий столик, оттуда прыгнула на край мангала, поскользнулась и с отчаянным писком исчезла из моего поля зрения. Я закричала. Мужчина выругался, отбросил щипцы и молниеносно сунул руки под боковую полку. Через секунду Персик оказался у него на груди, целый, испуганный и невероятно довольный собой.

Я влетела через открытую соседскую калитку, не подумав ни о приличиях, ни о мамином совете. Мужчина оказался высоким, широкоплечим, с короткими тёмными волосами и тем выражением лица, которое обычно появляется у людей после звонка из банка о подозрительной операции. На предплечье краснела свежая царапина. Персик цеплялся за его футболку всеми четырьмя лапами.

— Он не обжёгся? — выпалила я, хватая котёнка.

— Нет. Я успел поймать этого специалиста по самоубийству.

— Спасибо. Он сегодня нервничает.

Мужчина посмотрел на Персика. Тот немедленно попытался укусить его за палец.

— Вижу. Очень тонкая нервная организация.

Я прижала котёнка к груди и только теперь заметила на столе тарелку с мясом, салат, стакан воды и один прибор. Никакой шумной компании, никакой вечеринки. Я разрушила человеку ужин в одиночестве. Точнее, разрушил Персик, но юридически отвечать за него предстояло мне.

— Я Соня. Из соседнего дома. Дом тёти Веры.

— Максим Орлов.

Имя показалось знакомым. Нотариус что-то говорил о соседе, который интересовался участком. Я вспомнила не сразу, зато Максим, похоже, вспомнил всё.

— Вы наследница?

— Звучит так, будто сейчас появится музыка из детектива.

Уголок его рта дёрнулся, но улыбкой это не стало.

— Я несколько раз предлагал Вере Павловне купить участок. Если решите продавать, сообщите до того, как позовёте риелтора.

Вот и местный мужчина. Не успела я снять куртку, а он уже приценился к моему наследству. Тёплая благодарность за спасённого котёнка слегка остыла.

— Я здесь меньше шести часов.

— Значит, у вас ещё есть время подумать.

— Великодушно.

Персик вдруг вытянул лапу и смахнул с края стола кусочек мяса. Максим поймал его раньше, чем тот упал на землю. Я ожидала раздражения, но он посмотрел на котёнка с коротким неверием, будто впервые встретил существо наглее себя.

— Кошки у вас всегда падают с неба или сегодня особенный день?

— Их пять.

Максим медленно перевёл взгляд на мой дом. Потом снова на меня.

— Пять?

— Не переживайте. Я найду им хозяев.

— Быстро?

— За неделю.

Теперь он всё-таки улыбнулся. Не широко, не дружелюбно, а так, будто услышал очень хороший анекдот, но решил дать мне возможность самой понять, где смеяться.

— Удачи, Соня.

Я ушла, гордо держа Персика под мышкой. У самой калитки котёнок вывернулся, задней лапой зацепил мой карман и вытащил оттуда ключи. Они упали в траву. За спиной негромко рассмеялся Максим Орлов. В этот момент я решила две вещи. Во-первых, тётины котята действительно найдут хорошие семьи. Во-вторых, мой вредный сосед никогда не узнает, насколько сильно мне хочется показать ему язык.

Глава 2

Утро началось в пять сорок семь с ощущения, что кто-то сверлит стену. Я открыла глаза, увидела Шнурка на прикроватной тумбе и поняла, что звук идёт из-под кровати. Там Пельмень пытался протиснуть пластиковый шарик между досками старого пола и рычал на него с такой деловой яростью, будто от результата зависела ипотека. Персик спал у меня на животе. Пуговка заняла подушку рядом. Клякса, единственная воспитанная кошка в этом доме, сидела на подоконнике и смотрела на рассвет. Через десять минут котята завтракали, а я стояла на кухне с кофе и составляла список. Ветеринар. Фотографии. Объявления. Мелкий ремонт. Оценка дома. Риелтор. Семь дней. Я написала цифру семь сверху и обвела её. Персик прошёл по листу мокрой лапой и оставил на цифре отпечаток.

В девять пришёл сантехник, которого посоветовала соседка через дорогу. Он заглянул под раковину, покачал головой, произнёс «старьё» и исчез за деталями. В десять позвонил риелтор и пообещал приехать в пятницу. В одиннадцать я сфотографировала котят на тёплом пледе. Пельмень получился похожим на маленького чиновника, недовольного бюджетом. Шнурок на всех снимках был размыт. Клякса пряталась в складках ткани. Пуговка смотрела в камеру с презрением модели, которой не заплатили. Персик съел бумажный угол фона. Я выложила объявления в городские группы, написала честно о характерах и отдельно указала, что животных отдам после знакомства и беседы. Через двадцать минут мне пришло сообщение от женщины, которая хотела «котика любого цвета для ребёнка, если надоест, выпустим во двор». Я закрыла переписку и впервые поняла, зачем тётя оставила эту фразу про первого встречного.

Ближе к полудню в кухне что-то грохнуло. Потом зашипело. Потом вода ударила из-под мойки с таким напором, будто дом решил уйти на дно красиво. Я метнулась за полотенцами, перекрыла кран, который не перекрыл ничего, и позвонила сантехнику. Телефон был недоступен. Через две минуты вода уже текла по полу к коридору, а пятеро котят носились вокруг в восторге. Я схватила таз, потом второй, потом поняла, что тазики проигрывают. Единственным человеком, чей номер я знала в радиусе нескольких домов, был Максим. Номер остался у меня после вчерашнего обмена контактами по поводу участка. Я смотрела на экран секунд десять, пока Пельмень не сел в лужу.

Максим пришёл через четыре минуты. В рабочей рубашке, с разводным ключом и видом человека, которого оторвали от чего-то важного ради чужого домашнего апокалипсиса. Он ничего не спросил, прошёл на кухню, лёг на пол у раковины и перекрыл воду на старом вводе, который я даже не заметила. Потом поднялся, оглядел мокрый пол и Пельменя. Котёнок сидел в тазу. Сам. Без приглашения.

— Семь дней, говоришь?

— Не начинай.

— Я молчу.

— У тебя лицо разговаривает.

— Это врождённое.

Я сунула ему полотенце. Он вытер руки и вдруг наклонился к Пельменю. Тот поднял мокрую лапу и поставил её Максиму на запястье. На секунду суровое соседское лицо стало совсем другим, мягким и почти мальчишеским. Потом Максим заметил, что я смотрю, и вернул привычное выражение.

— Где остальные?

— Если повезёт, не в стенах.

Мы нашли Шнурка на шкафу, Кляксу под ванной, Пуговку в корзине с бельём, а Персика не нашли нигде. Я проверила все комнаты, сарай, крыльцо. Максим осмотрел двор. Рыжего не

было. Вчерашняя сцена с мангалом вспыхнула в голове и стала совсем не смешной. Я звала его, трясла пакетом корма, заглядывала под кусты. Максим молча открыл калитку между участками, которой я раньше не замечала. Она была старая, заколоченная одной доской. Он снял доску и прошёл к себе.

Персик сидел у него на террасе и ел кусочек курицы из миски.

— Это что? — спросила я, остановившись на дорожке.

— Курица.

— Я вижу. Почему она в миске?

— Потому что если положить её на стол, твой бандит полезет на мангал.

— Ты его кормишь.

— Я спасаю свой ужин.

Персик услышал меня, но уходить не торопился. Я сложила руки на груди. Максим сделал то же самое. Между нами сидел котёнок и невозмутимо жевал курицу.

— Он не должен привыкать ходить к тебе.

— Согласен.

— Тогда не корми его.

— Скажи это ему.

— Персик, домой.

Персик сел спиной.

Максим кашлянул, скрывая смех. Я подняла котёнка и понесла обратно. Калитка между нашими участками скрипнула за спиной. Он не стал снова прибавлять доску.

После обеда сантехник вернулся, заменил часть трубы и назвал сумму, от которой мой список расходов стал похож на предсмертную записку. К вечеру я устала так, будто сама перекладывала водопровод. Я сидела на ступеньках крыльца с ноутбуком, отвечала потенциальным хозяевам и всё чаще нажимала кнопку «нет». Один хотел кота в гараж «мышей ловить». Другой спрашивал, можно ли кормить колбасой. Третья женщина была чудесной, но дома у неё жил старый пёс, который кошек не переносил. Единственная подходящая семья могла приехать в воскресенье посмотреть Кляксу. Это был крохотный успех. Я записала его в блокнот и почувствовала себя начальником отдела кадров для пушистых безработных.

Когда стемнело, на соседнем участке зажглись тёплые фонари. Максим вышел на террасу с кружкой, заметил меня и поднял её вместо приветствия. Я ответила рукой. В этот момент Пуговка, до того мирно сидевшая у моих ног, стрелой метнулась к забору, пролезла в щель и исчезла. Я закрыла глаза.

— Даже не смей смеяться! — крикнула я через кусты.

— Я ничего не сказал.

— У тебя опять лицо разговаривает!

Пуговка не вернулась ни через пять минут, ни через десять. Я пошла через открытую калитку. Максим стоял у двери, босиком, и держал кошечку на руках. Она устроилась у него под подбородком, мурлыкала и выглядела так, будто наконец нашла достойный персонал.

— Предательница, — сказала я ей.

— Не дави на ребёнка. Она сделала выбор.

— Отдай.

Максим протянул Пуговку, но та вцепилась коготками в его футболку. Он осторожно отцепил одну лапу, потом вторую. Я видела, как бережно он это делает, и внутри шевельнулось странное тёплое чувство. Оно мне не понравилось. Максим был человеком, который хотел купить мой участок. Вредным, самоуверенным, язвительным. Так было удобнее.

— Завтра повезу их к ветеринару, — сказала я, забирая Пуговку. — После осмотра начну искать семьи активнее.

— Хорошая клиника на Центральной. Спросишь Лебедева.

— Откуда знаешь, если кошек терпеть не можешь?

Он замолчал на долю секунды.

— У меня был пёс.

Больше он ничего не добавил. Я тоже не спросила. Пуговка мурлыкала у меня на руках и смотрела на него через плечо. Когда я вернулась домой, она ещё минут десять сидела у двери, явно считая, что вечер оборвали на самом интересном месте.

Глава 3

Ветеринарная клиника встретила нас запахом антисептика, лающей таксой и табличкой «Не ставьте переноски на стойку». У меня было две переноски, пять котят и ощущение, что я перевожу цирк без лицензии. В первой ехали Клякса и Пуговка. Во второй Пельмень, Шнурок и Персик устроили драку за полотенце. Доктор Лебедев оказался мужчиной лет тридцати, спокойным, улыбочивым и на удивление терпеливым. Он осмотрел каждого, похвалил тётю Веру за прививки, назначил Шнурку капли для глаз и сообщил, что отдавать малышей можно, но лучше не спешить и тщательно выбирать семьи. Я мрачно сказала, что именно это и делаю. Персик в этот момент укусил доктора за фонендоскоп.

— Характерный, — заметил Лебедев.

— Это медицинский термин?

— После знакомства с ним стал медицинским.

Я засмеялась впервые за несколько дней так легко, что сама удивилась. Доктор помог донести переноски к машине, дал визитку и сказал звонить, если что-то насторожит. Когда я вернулась, Максим разгружал у своего гаража доски. Он увидел меня, посмотрел на переноски и без просьбы пошёл навстречу. Я отдала ему тяжёлую. Изнутри немедленно высунулась лапа Персика и зацепилась за край его рубашки.

— Лебедев сказал, что все здоровы, — сообщила я. — Шнурку нужны капли. И ещё он сказал не торопиться с хозяевами.

— Разумный человек.

— Ты сейчас радуешься тому, что мой план рушится?

— Нет. Я заранее смирился.

Максим поставил переноску в прихожей и вдруг достал из кармана маленькую мышь из серого фетра. Пуговка увидела игрушку первой. Через секунду она уже висела на его руке, стараясь дотянуться.

— Это откуда?

— Нашёл в машине.

— В твоей машине сами заводятся кошачьи мыши?

— Видимо.

— Максим.

— Соня.

Он положил игрушку на пол. Пять котят набросились на неё так, будто фетровая мышь была последним ресурсом планеты. Я посмотрела на ценник, который мужчина забыл снять. На нём стояло название зоомагазина у клиники.

— Ты купил им игрушку.

— Одну.

— Человек, который не любит кошек.

— Я не люблю, когда они едят твои занавески. Это вложение в сохранность недвижимости.

Я ничего не ответила, но улыбка всё равно полезла наружу. Максим заметил и покачал головой.

— Не делай из этого событие.

— Уже сделала. Вечером занесу тебе благодарственную грамоту.

— Только без котят.

Пуговка подняла голову на его голос и побежала следом, когда он вышел. Он вернул её ногой в прихожую очень осторожно, словно боялся задеть.

День прошёл в уборке и звонках. Семья, заинтересовавшаяся Кляксой, перенесла встречу на субботу. Ещё одна женщина захотела Пельменя и после десяти минут разговора призналась, что собирается подарить его пятилетней племяннице без согласия родителей. Я отказала. Она назвала меня сумасшедшей кошатницей. Это было особенно обидно, потому что ещё три дня назад у меня не было ни одной кошки. К вечеру я сидела на кухне, ела холодный сыр и пыталась работать. Мой начальник прислал письмо с напоминанием, что отпуск на наследственные дела заканчивается в понедельник. Я работала удалённо три дня в неделю, остальные два должна была появляться в офисе. Из дома тёти до города было почти два часа. Теоретически можно ездить. Практически я уже представляла подъём в пять утра, электричку и пять котят, организующих государственный переворот без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.